

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ВОССТАНИЕ

ДЕКАБРИСТОВ

ДОКУМЕНТЫ

ТОМ XI

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1 9 5 4

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР
В МОСКВЕ

ДЕЛА
ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ТОМ XI

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
члена-корреспондента
АН СССР
М. В. НЕЧКИНОЙ

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛИ

Г. Н. КУЗЮКОВ и А. А. ПОКРОВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1954

ЕНИЯ,
Е В
ЛА —
АСТЫ
ОЛЮ-
ОНИ
ОПА-
ДЕНА.
ИНУЮ

стр. 14.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА ДЕКАБРИСТОВ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К ЮЖНОМУ ОБЩЕСТВУ

- № 402 — Поджио отставной подполковник.
- № 403 — Муравьев 3-й (Артамон) Ахтырского гусарского полка командир.
- № 404 — Повало-Швейковский Саратовского пехотного полка полковник.
- № 405 — Вадковский Нежинского Конно-егерского полка прапорщик.
- № 406 — Тизенгаузен Полтавского пехотного полка командир.
- № 407 — Враницкий Квартирмейстерской части полковник.
- № 408 — Крюков 2-й Квартирмейстерской части поручик.
- № 409 — Фаленберг Квартирмейстерской части подполковник.

«...МЫ ВИДИМ ЯСНО ТРИ ПОКОЛЕНИЯ,
ТРИ КЛАССА, ДЕЙСТВОВАВШИЕ В
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. СНАЧАЛА —
ДВОРЯНЕ И ПОМЕЩИКИ, ДЕКАБРИСТЫ
И ГЕРЦЕН. УЗОК КРУГ ЭТИХ РЕВОЛЮ-
ЦИОНЕРОВ. СТРАШНО ДАЛЕКИ ОНИ
ОТ НАРОДА. НО ИХ ДЕЛО НЕ ПРОПА-
ЛО. ДЕКАБРИСТЫ РАЗБУДИЛИ ГЕРЦЕНА.
ГЕРЦЕН РАЗВЕРНУЛ РЕВОЛЮЦИОННУЮ
АГИТАЦИЮ».

В. И. ЛЕНИН, Соч., т. 18, стр. 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том продолжает публикацию следственных дел декабристов и посвящен делам членов Южного общества.

Дворянские революционеры — декабристы были первыми борцами против самодержавия и крепостничества. Их борьба кладет начало русскому революционному движению. Понятен интерес советских историков к деятельности первых русских революционеров. Публикуемые в настоящем томе материалы послужат дальнейшему исследованию этого значительного исторического явления¹.

Одиннадцатый том «Восстания декабристов» содержит восемь следственных дел членов Южного общества, привлеченных к верховному уголовному суду. Дела разнообразны по содержанию и освещают различные и весьма существенные стороны истории тайного общества. В них представлены материалы о деятельности всех трех «управ» Южной организации. Декабристы Н. А. Крюков 2-й, Ф. Ф. Вадковский и П. И. Фаленберг связаны с центральной Гульчинской управой, Александр Поджио принадлежал к Каменской управе, а следственные дела Артамона Муравьева, И. С. Повало-Швейковского, В. К. Тизенгаузена и В. И. Враницкого характеризуют деятельность Васильковской управы. Все восемь дел содержат немало материала для изучения основных этапов развития тайного общества в целом, а также взаимоотношений Южного общества с Северным.

Материал следственных дел декабристов не принадлежит, как известно, к легким для изучения историческим источникам. Он требует сугубо критического к себе отношения и тщательного сопоставления данных. Подследственные лица стремились всячески затушевать свое участие в тайном обществе, скрыть от царского следствия наиболее острые вопросы в деятельности тайной организации (планы восстания, согласие на «умысел царубийства» и т. д.). Следователи сосредоточили свое внимание на планах уничтожения царя и его семьи и упускали из виду многие важные стороны движения. Поэтому публикуемый материал требует всесторонней критической проверки.

¹ Общая оценка движения декабристов и их выступления против самодержавия и крепостного права дана в предисловии к IX тому настоящего издания (Госполитиздат, 1950). Там же охарактеризованы особенности публикуемых источников и задачи возобновленного Главным Архивным Управлением издания «Восстание декабристов».

Рассмотрим сначала следственные дела декабристов, принадлежавших к центральной управе Южного общества — Тульчинской. На первом месте тут стоит дело выдающегося декабриста Николая Александровича Крюкова, друга Пестеля, одного из идеологов Южной организации. Вина Крюкова определена в приговоре верховного уголовного суда следующим образом: «Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении тайного общества принятием поручений и привлечением товарищей». По решению суда Крюков был отнесен к обвиняемым «второго разряда», осужденным по лишении чинов и дворянства к «политической смерти», что означало: «Положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу».

Формулировка «вины» декабриста, данная царскими судьями, далеко не полно отражает его значение как члена тайного общества. Как всегда, судьи сосредоточили свое внимание на обвинении в цареубийстве, которое представлялось им самым главным и всепоглощающим. Между тем вопрос о цареубийстве в идеологии Николая Крюкова — момент производный, вытекающий из более значительных и более общих основ революционного мировоззрения и понимания революционной программы. Эти вопросы и являются важнейшими как в его общем облике, так и в практической деятельности.

Н. Крюков был принят в тайное общество другом Пестеля декабристом А. П. Барятинским. По свидетельству Пестеля, это произошло в Тульчине в 1820 г., следовательно, Николая Крюкова приняли еще в Тульчинскую управу Союза благоденствия. В марте 1821 г. мы видим его участником учредительных заседаний тайной организации, основавшей Южное общество. Крюков играет активную роль в его создании. Служа по квартирмейстерской части и постоянно находясь в отлучке — на топографических съемках — Николай Крюков, очевидно, не мог повседневно общаться с членами Тульчинской управы. Он показывает, что уже в середине 1821 г. был откомандирован на съемку в Подольской губернии, которую производил до 1825 г. Но именно этот род работы предоставлял декабристу большую самостоятельность в передвижениях и допускал частые появления в Тульчине, где находился штаб армии. Квартирмейстерская часть была отделом генерального штаба, и Николай Крюков не был стеснен повседневным пребыванием в определенном полку и занимавшей массу времени строевой службой — учениями и разводами. Он настолько в курсе жизни Тульчинской управы и роль его в ней настолько активна, что частые посещения Пестеля и его товарищей в годы пребывания «на съемке» несомненны.

Показания Н. Крюкова о «Русской Правде» представляют большую ценность. Он был знаком с ее рукописью, видел «начертанную конституцию» во время своих приездов к Пестелю. Дело Н. Крюкова сохранило для нас сведения о намерении декабристов *издать* «Русскую Правду». Н. Крюков принимал участие в сокрытии «Русской Правды». Зарывший манускрипт Пестеля «под берег придорожной канавы» подпоручик Н. Ф. Заикин получил эту рукопись от майора Мартынова по записке Н. Крюкова. Протокол очной ставки Н. Ф. Заикина с Н. Крюковым, публикуемый в деле последнего, содержит эти данные и сохраняет для нас еще свидетельство о внешнем виде рукописи. Она была тщательно упакована, зашита в холст, накрест перевязана шнуром, к холсту — вероятно к концам шнура — приложена печать, под шнур подложены две «открытые бумаги» об «успехах Тайного Общества» (это были бумаги об Обществе Соединенных славян). Объемистый манускрипт Заикин зашил в подушку и увез с собой.

Повидимому, Н. и А. Крюковы участвовали в составлении карты, на которой в соответствии с текстом «Русской Правды» П. И. Пестеля нанесены районирование будущей революционной России и ее предполагаемые государственные границы. Если так, то составители карты должны были во время работы располагать или подлинным текстом П. И. Пестеля, или обширными выписками из него, — иначе составление карты оказалось бы невозможным. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о подробном знакомстве Н. А. Крюкова с «Русской Правдой».

При обыске у Николая Крюкова были забраны многочисленные рукописи. Некоторые листы, очевидно, показавшиеся следователям особо значительными, были включены в его дело и стали предметом допроса. Правитель дел Следственного комитета А. Боровков в своей сводке о вине декабриста зафиксировал мнение следствия о связи найденных материалов с «Русской Правдой»: «Найдены в бумагах его писанные рукою его 10-ть статей, по содержанию своему составляющие или выписку из «Русской Правды», или материал для оной...» Другие рукописи Н. Крюкова оказались в составе обширного дела № 474, имеющего в настоящее время название: «Бумаги штаб-ротмистра князя А. П. Барятинского и поручика Николая Александровича Крюкова 2 — членов Южного Общества»¹. В этом последнем деле соединены 25 «тетрадей», в общей сложности содержащие 296 листов.

Включенные в состав публикуемого дела записи о земельном вопросе, налогах и положении граждан имеют, несмотря на свою сравнительную краткость, чрезвычайный интерес для изучения идеологии декабристов. В римской истории Плутарха внимание Н. Крюкова привлекают аграрные законы Гая и Тиберия Гракхов: ограничивая право земельного владения пятью арпами («десятинами») земли для одного гражданина, закон положил «предел корыстолюбию богатых». Это встречает убежденное сочувствие Н. Крюкова. Обеспечить общественное благополучие и процветание и в то же время пресечь возможность личного обогащения одного человека за счет многих, обогащения, возникающего в силу стяжательства и корыстолюбия общественной верхушки, — такова основная идея его записи.

Далее в записях Н. Крюкова содержится ряд проектируемых им конституционных текстов. Один из них предлагает ограничить определенной нормой личное земельное владение отдельного лица. («Всякий имеет право объявить правительству что такой то гражданин нарушает закон, обладая свыше позволенного именованием, под чужим именем или каким-бо то ни было другим образом».) Другое конституционное предложение говорит о наказании лиц, пытающихся незаконно обогатиться («Кто достигнет до количества положенного законами имения и захочет иметь больше, того отрешить от должности»). Далее следует определение принципа взимания поземельной подати («Собрать сведения о доходах каждого помещика и о количестве и качестве земли, — наложить подати сообразно по количеству и качеству земли»).

Приведенные записи говорят о стремлении внести ограничения в земельную собственность помещика и утвердить новый принцип распределения земель.

Сопоставляя эти записи с содержанием «Русской Правды» Пестеля, мы видим разительное сходство тематики, — очевидно, Николай Крюков

¹ ЦГИА, ф. 48, д. 474. Ряд ценных записей Н. Крюкова из этого дела опубликован в издании «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, М. 1951, под общей редакцией И. Я. Щипанова, см. стр. 402—423.

работал над теми же вопросами. Облекая свои мысли в форму проекта конституционных решений, он, возможно, готовил материал для Пестеля или во всяком случае для обсуждения основных положений «Русской Правды».

Дело не ограничивалось рассмотрением проблем аграрной реформы и взимания земельного налога — вопросов первостепенной и неоспоримой важности. Николай Крюков широко захватывал и другие стороны основного закона. Одна из его записей относится к вопросу о возможности изменения конституции. По этому поводу он пишет: «Позволить переменить конституцию не иначе, как переменяв всех депутатов и набрав новых для сего дела». Его запись о награждении «заслуженных граждан» должна быть привлечена для комментария того текста об особом разряде «грамотных дворян», который так смущал исследователей раннего варианта «Русской Правды». Между тем в указанном тексте речь шла вовсе не о восстановлении феодальных сословных привилегий. Пестель, как и все декабристы, был противником сословного строя и в своей конституции закреплял уничтожение сословий. Но он полагал необходимым материально награждать лиц, имеющих особые заслуги перед государством. Очевидно, в результате обдумывания этих предложений и сформулировал Н. Крюков — полностью в духе объективно буржуазного характера задуманного декабристами переворота — свое предложение о передаче в распоряжение «заслуженных граждан» приносящей немалый доход Уманской переправы.

Декабристская идеология была революционна — идейные позиции декабризма глубоко антифеодалны по существу. Конституционные наброски Николая Крюкова делаются еще понятнее и значительнее при сопоставлении с теми общими отправными положениями его политической идеологии, которые зафиксированы в прочих его бумагах, отобранных при обыске. Мы узнаем из них, что он противник деспотизма и тирании, враг сословного строя, поборник равенства: «Народ состоит из граждан, общественное блаженство состоит из благополучия каждого члена в особенности»¹. Он хотел бы такого общественного устройства, при котором все граждане могли бы «наслаждаться равным благополучием»².

Замечательно, что в эту антифеодалную идеологию ясно вплетены новые мотивы — протеста против нетрудового богатства. Требование ограничения частного землевладения указывалось выше. Крюков полагал, что «богатая и бездеятельная праздность», образцы которой он мог в изобилии наблюдать в современном ему дворянском обществе — «в хорошо устроенном государстве без стыда не смела бы показаться»³. Вообще «глупость ездит в пышной карете, между тем как *достоинство* ходит пешком»⁴.

Как истинный декабрист, Крюков глубоко убежден в великом значении просвещения и хороших законов, которые обеспечат новое, справедливое общественное устройство. «Мудрые законы в состоянии произвести чудо всеобщего блаженства»⁵. Пушкинский гимн человеческому разуму перекликается с записями декабриста: Николай Крюков также глубоко убежден в великой, решающей силе человеческого ума: «Приложим же старание о рассеянии мрака, препятствующего человеку смелыми стопами шествовать стезею истины. Внушим ему мужество и почтение к своему разуму»⁶.

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 474, л. 90 об.

² Там же, л. 90.

³ Там же, л. 89 об.

⁴ Там же, л. 107.

⁵ Там же, л. 90.

⁶ Там же, л. 45.

Следственное дело Н. Крюкова дает новые, дополнительные данные об его мировоззрении. Лозунг о примате человеческого разума, глубоко усвоенный Крюковым, являлся в ту эпоху высоко прогрессивным и острием своим направлялся против церковного мировоззрения: не бог, но люди управляют жизнью, утверждал декабрист. Его замечательный тезис «Все зависит от человеков» обосновывает требование о «разрушении существующего порядка вещей во что бы то ни стало». Страсть революционного преобразования охватывает его: он «долгом поставлял презреть все для блага общего». В своем ответе на вопрос следствия о причинах «вольнодумства» Н. Крюков вынужден признать и то, что он «не твердый в христианской религии», что «отверг многие богослужebные обряды», что сомневался «в ипостасной троице, как неудобопостижимой для ума человеческого». «Надежда на будущую жизнь», по справедливому мнению декабриста, «отвращает от просвещения, питает эгоизм, способствует угнетению и мешает людям видеть, что щастие может обитать и на земле». В этих словах удивительно глубок анализ вреда религии. По признанию Н. Крюкова на следствии, поиски истины протекали у него в борении и сомнениях, — иначе и быть не могло. Он «долго не решился... отвергнуть бога, наконец, оживотворив материю и приписав все существующее в природе действию случая, потушил едва мелькавший свет чистой религии...»

Материалистическая тенденция отчетливо выражена в философских рассуждениях Крюкова о сущности душевных явлений. Тут опять-таки ярко выступает борьба с ортодоксальной религиозной философией. Крюков — решительный противник религиозного дуализма души и тела, непознаваемости и божественности человеческого духа — основ религиозного мирозерцания: «от заблуждения происходят тягостные оковы, каковые повсюду тираны и служители церкви готовят для народов»¹. Он сбрасывает эти оковы в рассуждениях о психической жизни человека: «всякое сотрясение одной или нескольких нерв приводит в движение мозг, возбуждает нашу чувствительность. Если прервать сообщение между мозгом и нервами, тогда мы перестанем чувствовать»². Что такое впечатление? — «содрогание, произведенное в нервах наших присутствием какого-либо предмета». В этих полжениях — ни тени от религиозного объяснения душевных явлений.

Как развился и укрепился этот вольнодумный образ мыслей у сына нижегородского гражданского губернатора, выросшего в обстановке средней дворянской усадьбы? Вероятно, именно эта обстановка внесла свою долю сомнений картинами крепостного угнетения. Следя за ходом формирования мировоззрения декабриста, мы видим, что он учился в учебных заведениях, в которых воспитывалась целая плеяда участников революционного движения. В отрочестве — благородный пансион при Московском университете, через который прошли многие будущие декабристы и их

¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 474, л. 44 об.

² Там же, л. 104 об.

³ По архивным данным департамента геральдики отец Н. Крюкова владел имением в Крапивенском уезде, Тульской губернии, и имел 371 ревизскую душу в семи селениях (Е. Щепкина, Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов. Сборник «Декабристы и их время», т. II, стр. 372). Более поздние данные тульского гражданского губернатора говорили об уменьшении владения, — в 1826 г. за отцом Крюкова числилось лишь 286 душ (С. Чернов, Имущественное положение декабристов, «Красный архив», т. XV, стр. 203). По сведениям генерал-губернатора Бахметьева, относящимся к 1827 г., большая часть крюковских крестьян была заложена в опекуновом совете (С. Чернов, Указ, соч., стр. 181). Имеющийся в моем распоряжении рукописный очерк о брате Н. А. Крюкова, Александре Александровиче (также декабристе), составленный сыном последнего Леонтием, говорит о достатке в семье Крюковых и «значительном родовом имении» (благодарю Ю. Г. Оксмана, сообщившего мне эти данные).

друзья (в том числе А. С. Грибоедов), после Нижегородского пансиона и домашнего обучения — знаменитая школа Колонновожатых (Академия Генерального штаба) — рассадник вольнодумных идей.

Николай Крюков — один из молодых декабристов: ко времени следствия ему исполнилось всего 25 лет¹. По возрасту он не мог быть участником войны 1812 г., и в его формуляре отсутствует обычное для старших декабристов упоминание о славных сражениях знаменитой войны и последующих заграничных походах. Но все более расширявшееся знакомство с крепостнической русской действительностью легло в основу стремления «во что бы то ни стало» преобразовать угнетенную родину. На следствии у Крюкова вырвалось свидетельство о том, как подействовало на него наблюдаемое им угнетение народа: «На съемке Подольской губернии увидел я до какой степени простирается угнетение крестьян помещиками...» В это время он был уже членом тайной организации. Ясно, что более ранние впечатления того же порядка оказали на него еще прежде свое воздействие. Созреванию его «вольнодумства» с большою силой способствовала просветительная литература революционного Запада. Н. Крюков раскрывает в показаниях широкий круг своего чтения, к «занятию» которым он «получил страсть». Имена Руссо и Монтескье, Вольтера и Филанджери недаром упомянуты в его ответах следствию.

Н. Крюков в общем скуп и сдержан в ответах следствию. Его облик более раскрывается из захваченных при аресте бумаг и перекрестных показаний товарищей во время следствия, нежели из его личных признаний. Дело Н. Крюкова имеет следующую характерную особенность: он чрезвычайно долго, дольше многих других членов Южного общества, отказывался давать показания и упорствовал в «запирательстве». Сначала он полностью отрицал свою принадлежность к тайному обществу. Еще перед арестом он условился с декабристом А. П. Юшневским и своим братом, декабристом Александром Крюковым, не давать никаких показаний и держался этой тактики с конца декабря 1825 г., когда был арестован², до весны 1826 г. Еще в начале марта 1826 г., когда следователи уже располагали огромным уличающим материалом, полученным в результате допроса других декабристов, Н. Крюков держался тактики полного отрицания. Его сломили лишь очные ставки с близкими товарищами. В середине марта он уже вынужден давать ответы на вопросы следствия, но крайне неясные, осторожные, а нередко и заведомо ложные. Так, не желая открывать имя принявшего его в тайное общество А. П. Бярятинского, он показывает, что его принял Н. И. Филиппович — декабрист, умерший задолго до следствия. В марте уже многое стало вполне ясным для Комитета, и Крюков избежал многих вопросов. Поэтому дело его меньше по объему и скуpee по общим следственным данным, чем многие другие.

Если дело Н. Крюкова особо ценно для раскрытия идейной жизни Южного общества и в частности происходившего в Тульчинской управе обсуждения «Русской Правды», то дело Федора Федоровича Вадковского более подробно раскрывает иную сторону деятельности пестелевского центра — организационную.

¹ Возраст дан на основании собственного показания декабриста в биографической следственной анкете; в формулярном списке указано, что Крюкову 26 лет. Как правило в этих случаях более достоверны собственные показания.

² Б. Пушкин в своей работе «Арест декабристов» приходит к выводу, что Н. Крюков был арестован не позднее 28 декабря 1825 г., так как уже в этот день он был отправлен под конвоем в Петербург. См. сборник «Декабристы и их время», т. II, М. 1932, стр. 395.

Декабрист Ф. Ф. Вадковский, прапорщик Нежинского конно-егерского полка, — человек большой пылкости и кипучей деятельности, страстно отдающийся делам тайной организации. Он также принадлежит к числу более молодых декабристов: «от роду мне двадцать шесть лет», — показывает он в биографической следственной анкете¹.

По молодости лет он не мог участвовать в Отечественной войне 1812 г., но все-таки некоторые моменты его биографии типичны для многих молодых декабристов: в отрочестве — поступление в благородный пансион Московского университета, через который прошел не один декабрист, затем ученье дома и в ряде частных пансионатов. Он более двух лет (1818—1820) находился в составе Семеновского полка, в чине подпрапорщика, вращаясь в кругу служивших там декабристов. За пять месяцев до известного выступления солдат в Семеновском полку (1820) он перевелся в Кавалергардский полк, избежав таким образом репрессий, посыпавшихся на семеновских офицеров. Пестель уже выбыл из состава Кавалергардского полка к тому времени, когда туда перевелся Ф. Вадковский, но сохранил многочисленные связи с кавалергардами. Дух Кавалергардского полка был в те годы благоприятен целям тайного общества, и Ф. Вадковскому удалось в дальнейшем принять в члены организации не одного кавалергарда. Сам Вадковский был принят в тайное общество в Петербурге в 1823 г. приехавшим с юга другом Пестеля Александром Бярытинским² и сразу оказался в очень своеобразной декабристской организации. Южное Общество создавало на случай ближайшего выступления свой филиал на Севере. Бярытинский имел поручение Пестеля вербовать в этот опорный пункт Южной революционной организации в Петербурге наиболее решительных и готовых для выступления людей. Одним из первых он завербовал Ф. Ф. Вадковского. Через некоторое время действия Бярытинского по созданию филиала Юга стали известны членам Северного общества и вызвали у них сильное раздражение. Новые члены тайного общества были спешно «переприняты» северянами. Однако Пестель продолжал считать созданную Бярытинским петербургскую группу своим опорным пунктом и, приехав в столицу в 1824 г., созвал заседание, на котором знакомил ее с программой Южного общества и планами выступления. Вадковский подчеркивает, что он сам обратился к приехавшему в Петербург Пестелю «в надежде получить от него более доверия и прав». Ф. Вадковский горел жаждой действия. Его деятельность по приему новых членов особо результативна: следствие установило девять имен, завербованных им участников тайного общества (Поливанов, Свистунов, Депрерадович, Анненков, Кривцов, Плещеев 1-й, Барыков, Николай Булгари и юнкер Скарятин).

Вадковский ранее, чем другие декабристы, оказался на подозрении у начальства и прежде других был репрессирован. В июле 1824 г. за резкие сатирические стихи о ненавидимом в гвардии царском брате великом князе

¹ По формуляру, составленному в 1826 г., Ф. Вадковскому 25 лет (см. формуляр, включенный в его дело).

² У Ф. Ф. Вадковского был брат, также декабрист, — Александр. Отец Вадковских — сенатор и камергер, крупный помещик. Братья Вадковские в 1824 г. владели значительным имением в Орловской губернии (см. *Е. Щепкина*, Извлечение из материалов о помещицком хозяйстве декабристов, сборник «Декабристы и их время», т. II, стр. 369).

³ Составитель «силы вины» Фед. Вадковского, очевидно, не навел справки в деле А. П. Бярытинского и воспроизвел в своей сводке неясную формулировку Ф. Вадковского о дате своего вступления в общество: «За три или за четыре года перед сим» (ср. у Ф. Вадковского «три или четыре года тому назад»), — между тем дата приезда Бярытинского в Петербург, а стало быть, и принятия Ф. Вадковского в члены тайного общества известна совершенно точно, это май — июнь 1823 г.

Маханле Павловиче, жестоком насадителе аракчеевщины и прусской муштры, Вадковского перевели из гвардейского Кавалергардского полка в армию («по высочайшему приказу за неприличное поведение переведен в Нежинский Конно-Егерский полк», — значится в его формуляре)¹. От одного его неосторожного слова могла бы в этот момент зависеть судьба тайного общества. Но он не только оказался в данном случае стойким участником организации, но сохранил всю свою прежнюю энергию по отношению к делам общества. Второй арест Вадковского последовал ранее восстания декабристов. Донос Шервуда, которого именно Ф. Вадковский неосторожно принял в общество, сыграл тут свою роль. Вадковского арестовали и исключили из полка по приказу начальника Главного штаба еще 11 декабря 1825 года — за три дня до начала восстания в Петербурге². Прием шпиона Шервуда — тяжелая ошибка Вадковского (дело декабриста содержит фактические данные, касающиеся этого приема). Обширное письмо Ф. Вадковского к П. И. Пестелю из Курска от 3 ноября 1825 г. попало в руки Шервуду для вручения адресату. Касающееся конспиративнейших тем — приема новых членов общества, деятельности южной ячейки в Петербурге, революционной конституции, царубийства, планов открытого выступления с расчетом на ближайшую поддержку военных поселений — письмо явилось неопровержимой уликой и было использовано правительством для раскрытия заговора. Перевод письма уже публиковался ранее, подлинный же текст (на французском языке) впервые печатается в настоящем томе³. Образцы конспиративной переписки декабристов на революционные темы до восстания чрезвычайно редки, — они дошли до нас лишь в отдельных случаях и в самом незначительном количестве. Подавляющее большинство подобных документов было уничтожено декабристами в дни декабрьских арестов.

Письмо Вадковского к Пестелю относится к источникам именно такого рода. Оно свидетельствует о близких товарищеских отношениях с Пестелем и о самой активной деятельности декабриста Ф. Вадковского в тайном

¹ Федор Вадковский — один из декабристов-поэтов с ярко выраженным сатирическим обликом. В Сибири среди декабристов и в кругах людей, им сочувствовавших, имели хождение его острые разоблачительные куплеты на Следственный комитет, написанные на французском языке. Их распевали на мотив одной из песен Беранже («Halte là...»), они имели аналогичный припев: «Стой, за это под замок». Вот начало куплетов Ф. Вадковского:

Как ответить им достойно,
Чтоб себя не унижать?
Мне весьма благопристойно
Стали проповедь читать.
Говорить им об Отчизне?
Что в ней смыслит Левашов!
О России, светлой жизни?
Дибич хуже пруссаков!
Стой, за это под замок! и т. д.

Текст куплетов Ф. Вадковского впервые опубликован в сборнике «Декабристы. Материалы для характеристики», М. 1907. Перевод Всев. Рождественского см. в сборнике под редакцией Б. Мейлаха «Поэзия декабристов», Л. 1950, стр. 696—697, 831—832.

Недавно найденные воспоминания декабриста Влад. Толстого (публикуются Библиотекой им. В. И. Ленина) содержат новые данные о Ф. Вадковском — поэте и дают основания предполагать его участие в создании революционных песен декабристов (в том числе известных «подблюдных»).

² Дата ареста Ф. Вадковского ускользнула от внимания Б. Пушкина и осталась неотмеченной в его сводной справочной работе «Арест декабристов» (см. сборник «Декабристы и их время», т. II, М. 1932, стр. 388). Она содержится в формуляре Ф. Вадковского, впервые публикуемом в настоящем томе (см. стр. 191).

³ Перевод письма опубликован в 1929 г. в журнале «Каторга и ссылка» (кн. II, стр. 84—92). В настоящем издании перевод сделан заново.

обществе. Он принял немало новых членов. Он особенно озабочен связью с не так давно (1819) восставшими южными военными поселениями: на них можно, по его мнению, рассчитывать при подготовке восстания. Шервуд, служивший в военных поселениях, и был принят Вадковским в расчете на установление связи тайного общества с этой могущественной силой будущего восстания.

Письмо Вадковского написано в то время, когда Александр I был еще жив, поэтому рассуждения декабриста о значении смерти императора для реализации целей тайного общества явились для следствия уликой, свидетельствующей о его согласии на царубийство.

Ф. Вадковский — республиканец. Ему хорошо известен республиканский характер «Русской Правды»: «Конституция признаваемая обществом к коему я принадлежал, была основана на правилах Республиканских». Он был активным пропагандистом ее республиканской программы. Характерна его настоятельная просьба в письме к Пестелю прислать текст конституции для сообщения вновь принятым членам общества: им необходимо «разъяснить нашу конституцию вдоль и поперек». Даже в тот момент, когда Ф. Ф. Вадковский еще скрывает свое отношение к царубийству, данная им формулировка цели тайного общества звучит очень смело перед лицом царского следствия: «Намерение общества состояло в даровании Государству Конституции. Исполнение онаго должно было быть произведено вооруженной силою, и в случае не согласия на сие царствующей фамилии, отдалить оную от престола, и водворить временное правление, для приготовления конституционного правления».

Вадковский чрезвычайно заинтересован идеей создания конспиративной типографии. Мысль об ее организации за границей представляется ему нелепой. Он противопоставляет этому замысел устройства тайной типографии внутри России, в имени кого-либо из членов общества, «брат которого», — очевидно, также член общества, — мог бы «без ведома даже слуг и крестьян» печатать нужные издания и затем распространять их для соблюдения конспирации через других членов организации («в некотором расстоянии от места их изготовления») ¹. Вадковский чрезвычайно занят разработкой форм конспиративной связи, обсуждает способы применения тайнописи, например письма молоком. Из письма к Пестелю видно, что Вадковского беспокоит недостаточная налаженность связей между центральной Тульчинской управой и периферией, а также между Петербургом и Югом. Он выдвигает идею о выделении пяти или шести известных и преданных членов общества специально для целей осуществления связи. Эти лица могли бы постоянно передавать нужную информацию и поручения «главных руководителей» членам общества, находящимся в различных пунктах. Тут же Вадковский обсуждает уже давно возникший в жизни тайного общества вопрос о членских взносах — сборе средств, необходимых для деятельности организации. Центральное значение Петербурга в планах открытого революционного выступления совершенно ясно Вадковскому («Петербург неизмеримо важный пункт для нас»). Он занят мыслью о создании нужных центров в столице. Дом одного только что женившегося товарища, чья молодая жена, по мнению Ф. Вадковского, держится передовых убеждений, — мог бы стать

¹ Можно предположить, что Вадковский имеет тут в виду Матвея Муравьева-Апостола, брата возглавлявшего Васильковскую управу Сергея Муравьева-Апостола. Именно Хомуец, Миргородского повета, Полтавской губернии, в котором подолгу жила находившийся в отставке Матвей Муравьев-Апостол, могло представляться Вадковскому подходящим для указанных целей.

в столице «салон» — местом встречи «наших» в Петербурге, средством объединения единомышленников¹.

Верховный уголовный суд отнес Федора Вадковского к «первому разряду» обвиняемых и так определил его вину: «умышлял на царубийство и истребление всей императорской фамилии, возбуждая к оному и других; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении тайного общества принятием в оное товарищей». Приговор суда требовал для него «смертной казни отсечением головы». По конфирмации Вадковский был приговорен к вечной каторге, позже срок ее был сокращен до 20 лет.

Дело декабриста Петра Ивановича Фаленберга, принятого в общество в 1822 или 1823 г. А. П. Барятинским, дает, пожалуй, наименее ценный материал для истории движения декабристов. Фаленберг оказался малодейственным членом организации. Он — уроженец Риги, сын саксонца, вызванного в Россию Потемкиным для устройства суконных фабрик. Родившийся в 1791 г., он принадлежит к старшему поколению декабристов; во время следствия ему уже около 35 лет. Подполковник квартирмейстерской части, активный участник Отечественной войны (его формуляр в этом отношении замечателен), Фаленберг заинтересовал Тульчинскую управу как опытный военный практик; в предвидении скорого военного выступления в Тульчине охотно вербовали подобных людей в члены тайного общества.

В деле Фаленберга имеется ряд ценных свидетельств о приеме в Южное общество «по степеням» (братьев, мужей, бояр). Фаленберг показывает, что был принят «в низшей степени», и Барятинский объявил ему, «что принимать в общество никого не имею права, но впоследствии, когда окажу услуги обществу, тогда буду возведен в высшую степень (и) будет сообщено мне больше, так и взято сильнейшее клятвенное обещание». Свидетельства о приеме в Южное общество «по степеням» имеются и в ряде показаний, включенных в дело Вадковского, в том числе в показаниях Пестеля.

Ценно живое свидетельство Фаленберга о характере агитации Барятинского. В ней очевидно значительное место занимало разоблачение крепостного права: «это страм нашего просвещения... иметь крепостных, когда все прочие государства имеют вольных подданных и что соседственное одно государство смеется, что у нас торгуют людьми, как скотом, что в России очень многие конституции желают...»

На первом же допросе Фаленберг признался в согласии на царубийство, но вскоре объявил это клеветой на себя самого и взял показание обратно. Суд отнес Фаленберга к четвертому разряду «государственных преступников»; по конфирмации он приговорен к каторжным работам на 12 лет, позже срок был сокращен до 8 лет.

Дело декабриста Александра Викторовича Поджио — один из самых замечательных документальных комплексов следствия. Оно наибольшее по объему в настоящем томе и одно из первых по значению. Принадлежа к Каменской управе, Поджио в своих показаниях дает богатейший материал для характеристики ее деятельности. Его родственные связи с семьей Давыдовых, постоянные посещения Каменки, близость с Раевскими — все это насыщает дело Поджио материалами, характеризующими многих участников движения и их окружение.

Но, конечно, дело Поджио не ограничивается данными по истории Южного общества. Он осуществляет связь Юга с Севером, являясь гонцом

¹ Можно предположить, что Ф. Вадковский имеет в виду петербургский дом декабриста Ивана Юрьевича Поливанова, отставного полковника Кавалергардского полка, за год до восстания женившегося на Анне Ивановне Власьевой.

от южан в Петербург, передающим ответственную информацию, и исполнителем сложных конспиративных поручений. Богатую идейную жизнь тайного общества, обсуждение политических вопросов и планов действий А. Поджио воспроизводит в особой, свойственной ему эмоциональной, живой манере. Его знаменитый двухдневный разговор с Пестелем об особенностях разных форм правления, о предпочтительности республики перед конституционной монархией и о необходимости царевубийства давно обошел декабристскую литературу.

Охваченный кольцом перекрестных улик, А. Поджио не запирается, но вел со следствием тонкую и очень опасную игру. Так, на одной и той же странице он сначала в угоду следствию утверждает, что «всегда полагал» предположения Пестеля «несбыточным бредом», но тут же, несколькими строками выше, показывает, что Пестель обольстил его своим умом и неопровержимыми доказательствами, которые «всегда превышали мои в отвержении оных». То Поджио сознается, что дал согласие на царевубийство, и подробно описывает обстановку, в которой созрел этот замысел, и указывает на серьезность решения, то вдруг утверждает, в глубоком противоречии с важностью предмета, что согласился на царевубийство «шутя».

Рассказывая далее, как ему пришлось *подтвердить* это согласие, он ссылается на новый довод — боязнь прослыть трусом в глазах товарищей. Обрисовав длинный ряд событий, в которых его позиция заговорщика и царевубийцы стойка и неизменна, он вдруг начинает многословно уверять следователей, что слова, которые он в течение нескольких лет твердил товарищам, якобы никогда не соответствовали его истинным намерениям! Наполняя свое письмо генерал-адъютанту Левашову изъяснениями «раскаяния», он надеется лишь на «постепенное» возрождение в себе добродетели.

Но вся эта «покаянная» линия удивительным образом опровергается его «Записками», написанными позже уже вне стен Петропавловской крепости, более или менее «на свободе». Они насыщены страстной ненавистью к самодержавному правительству и даже защитой «разбойника» Пугачева, по мнению Поджио, имевшего право на восстание. Нельзя не привести этого примечательного места: «Пугачев! И можно ли пройти с обычным презрением к этой великой исторической личности и не остановиться и грустно, и задумчиво над этим гражданином-разбойником? Какое, скажет и не один, необходимо извержение искривленных понятий, чтобы дойти до сочтения таких слов! Гражданин, разбойник — Пугачев! Строгий читатель возопиет: «Какой он гражданин? За мной право им именоваться! Я признаю власть, закон, порядок; я истый гражданин, патриот и т. д.». Я допускаю такие убеждения, но не признаю здравость понятий, послуживших к основанию таких начал. Гражданин гражданину рознь... Не оставить ли шекотливое это толкование; мы здесь не сойдемся! Я вам не учитель, мое же учение всем не по уму. Могло ли не возмутить вас признание за Пугачевым права восстающего человека против насилия и не признать его потому-то именно и гражданином! Он возмечтал, хотел освобождения своего и своих миллионных братьев-рабов; начал, как гражданин, человечно и кончил, как разбойник, бесчеловечно! На ходу встретил он противников-разбойников и сам пошел, пошел путем кровавым! Его разбоям предшествовали разбой дикой власти... Если Пугачев пошел разбоем, то Михельсон пошел тем же путем, с той разницей, что *первый стоял на свободу*, а последний настаивал на закреплении злодейского рабства»¹.

¹ «Записки А. В. Поджио». В кн. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов», т. I, общая редакция Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова, М. 1931, стр. 70. (Подчеркнуто мною. — М. Н.)

Мы привели столь длинную выдержку из «Записок» Поджио именно в силу ее особой характерности для мировоззрения декабриста. Тут налицо его убеждение в человеческих правах крестьянства, горячая ненависть к крепостничеству и твердое признание права угнетенных на борьбу против угнетателей. Вместе с тем нельзя ярче прокомментировать вопрос об истинности или неистинности «раскаяния» Поджио на следствии. Его сокрушение о собственных преступлениях перед следователями разительно противоречит описанию суда над декабристами в его «Записках». В «Записках» он убежденно говорит о правоте дела декабристов. Это убеждение — не результат более позднего размышления, — нет, декабрист говорит о том, что мысли эти обуревали его в самый момент незаконного суда, вершившего царскую волю: «Правота дела, все наши убеждения, верования — как будто опять ожили, расшевелились, воспрянули при виде такого бесправия, беззакония и насилия назначенного над нами суда...»¹. Следовательно, А. Поджио летом 1826 г., когда происходил суд, был убежден, что дело декабристов — правое дело.

Хотя следствие снисходительно отметило «раскаяние» Поджио, но царский суд не смягчил приговора. Вину Поджио Верховный уголовный суд определил так: «Умышлял на цареубийство собственным вызовом к совершению оного, также изыскиванием к тому средств, избиранием и назначением лиц; умышлял на истребление императорской фамилии; участвовал в восстановлении деятельности Северного общества, с предложением составленных им правил, советовал и убеждал князя Волконского возмутить вверенное ему войско». Поджио был отнесен к обвиняемым «первого разряда», присуждаемым «к смертной казни отсечением головы». По конфирмации он был приговорен в каторжную работу вечно, позже срок сократили до 20 лет.

Поджио — своеобразная фигура в декабристском движении. Он — сын итальянского выходца, небогатого «подлекаря», а затем госпитального лекаря, в 1791 г. получившего чин секунд-майора. Отец декабриста явился одним из первых четырех обитателей «или правильнее сказать, основателей Одессы, тогдашнего Хаджибея»². Суворов постоянно останавливался в доме Поджио проездом через Одессу, и рассказы родителей о великом полководце мальчик слышал в детские годы.

Поджио родился в 1798 г. в городе Николаеве³ и воспитывался в Одесском институте, о котором не может сказать ничего хорошего. В 16-летнем возрасте он поступил на военную службу — сначала в гвардейские резервы, затем стал подпрапорщиком старейшего гвардейского полка — лейб-гвардии Преображенского. Уже кончались войны с Наполеоном, шел 1814 год, и юному подпрапорщику не довелось побывать в огне знаменитых битв. Но тем не менее 1812 год и последующие исторические события оказали огромное влияние на формирование его мировоззрения.

Пытаясь найти ответ на острые вопросы, которые ставила перед ним современность, Поджио все отчетливее отмежевывается от правительственного лагеря. Сам он относит свое политическое пробуждение и начало «ропота» к 1819 г., а начало «вольнодумства» — к 1820 г. Это были годы европейской революционной ситуации. Ответ Поджио на вопрос следствия о причинах «вольнодумства» — один из значительнейших по содержанию

¹ «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов», т. 1, стр. 24.

² Там же, стр. 23.

³ Согласно его ответу в анкете «о воспитании», А. Поджио в 1826 г. во время следствия было 28 лет, по формуляру же — 27.

в документальном наследии декабристов. Это целый трактат, живой и темпераментный, обильный фактами.

На первом месте в этом ответе — воздействие среды, товарищей, стремящихся действовать «к пользе» отечества, горячо обсуждающих вопросы современности, критикующих политику царского правительства и тяжелую российскую действительность. Крестьяне, которые более всех несли на себе тяготы войны, остались в пренебрежении у правительства. Армия также была в тяжелом положении, — сам Поджио видел как «рядовой один в мундире с медалью на груди пришел к помещику просить чего же — хлеба! Я был сам в мундире и признаюсь, мне горько сие было».

Протест против аракчеевщины, военных поселений, расправы с чугуевским восстанием 1819 г. нашли отражение у Поджио. По его словам все с негодованием говорили — «и не одни мы о жестоком усмирении чугуевцев». Рост налогов, несправедливость судов, общий ропот народа и надежда, что всеобщее негодование окажется опорой для действий тайного общества, — обо всем этом говорит Поджио в своем показании.

У Поджио крепки связи с Россией, он ощущает себя ее сыном, патристической гордостью проникнуто его возмущение тем, что царское правительство, забывая нужды русского народа, действует в пользу реакционных иностранных держав: «ничто меня столько не оскорбляло, как явное сие господство и влияние Венского кабинета над нашим!».

В этой атмосфере передовая политическая литература была лучшим помощником формирующегося мировоззрения Поджио, — имена Делольма, Филанджиери и Бенжамена Констана говорят о направлении чтения. Газеты давали обильную пищу размышлению — «журналы с рук моих не сходили». Поджио говорит о «всечастных» занятиях политикой и гражданскими делами «Европы, а в особенности отечества моего». Известия об испанской, неаполитанской и других южноевропейских революциях поглощались с жадностью, — об этом у Поджио также имеются ценные свидетельства.

Его вступление в тайное общество — закономерный шаг, хорошо подготовленный предшествующей биографией. Поджио очень близко соприкоснулся с Союзом благоденствия и был почти что принят в него, но последующая самоликвидация организации задержала его активное в нем участие. Вторично — на этот раз в Южное общество — он был принят в 1823 г. Тем не менее данные о ранних декабристских организациях весьма ценны в его следственном деле. Он знает о Союзе спасения, о Московском заговоре 1817 г., о своеобразном характере ликвидации Союза благоденствия («разрушилось благоденствие, но цель оставалась»). Замечательно его свидетельство о том, что вопрос о восстании войск как способе действия уже обсуждался в последний период существования Союза благоденствия.

Но всего замечательнее свидетельства Поджио о Южном обществе и о его взаимоотношениях с Северным. Поджио сам бывал в ответственной роли гонца с юга на север и с севера на юг. Он прибывает в Петербург после приезда туда Бяратинского (1823), везет обратно «конверт от *Никиты Мурavyева* с бумагами к Пестелю», связывая оба тайные общества — между поездкой в Петербург Бяратинского и приездом туда же в 1824 г. Пестеля. Дело Поджио — значительный первоисточник для изучения этих существенных вопросов в истории тайного общества.

Его сведения об идейном развитии Северной организации весьма содержательны и относятся к важным сторонам ее жизни. Так, он знает об агитационных песнях Рылеева, предназначенных «действовать на ум народа», и о намерении Рылеева писать «Катехизис свободного человека».

В числе поручений, данных Пестелем Поджио, мы встречаем поручение разузнать об одном солдатском восстании, которое привлекло внимание декабристов; Поджио дал обещание Пестелю: «в проезде моем через Орел стараться разведать о бунте случившемся в одном эскадроне Кирасирского полка, там стоящего». Он показывает далее, что ему ничего не удалось узнать об этом в Орле. Может остаться впечатление, что слух о восстании оказался ложным. Но такое заключение было бы ошибочным. Последние исследования показали, что Пестель располагал правильными данными. Возмущение эскадрона Екатеринославского кирасирского полка действительно имело место в феврале 1823 г. Причиной возмущения были жестокие наказания и тяжесть аракчеевских «учений»; 18 солдат — участников возмущения — были сосланы в Сибирь, а весь эскадрон расформирован¹.

Широко известен в литературе упомянутый выше знаменитый двухдневный разговор Пестеля с Поджио о программе и тактике Южного общества. В настоящем томе он впервые появляется в своем полном контексте. В разговоре большое внимание уделено вопросу о царевитстве, но значение его гораздо шире и касается всей программы общества. Вместе с тем разговор с чрезвычайной, можно сказать, художественной яркостью рисует облик Пестеля, его последовательный республиканизм и твердое решение идти до конца в борьбе с царизмом². Рассказ Поджио о разговоре с Пестелем полон живых подробностей, реальных интонаций, отражает характер общения декабристов между собою.

Особую ценность в деле Поджио имеют свидетельства, касающиеся содержания «Русской Правды». Сначала Поджио отрекался от непосредственного знакомства с ее текстом, но потом вынужден был признать, что Пестель читал ему вслух этот документ. «Я полагаю, что временное правление не продлится более году, а много много два», — бросил Поджио реплику в разговоре с Пестелем. «На сие он мне возразил: о нет, не менее десяти лет, — разделение земель одно возьмет много времени». И в других показаниях Поджио дает ценный материал для исследования вопроса о «Русской Правде», отношения к ней членов Южного общества, восприятия ими ее положений. Поджио глубоко проникнут ее республиканизмом; весь план Пестеля Поджио воспринимает как введение «чистого народодержавного правления». Он понимает аграрную программу Южного общества уже в 1823 г. (год его вступления в Южное общество) как «дарование свободы мужикам и пожертвование земли, необходимой для независимости их в быту общественном»³. Это — важное свидетельство о решении коренного вопроса — земельного. Поджио передает соображения Пестеля о временном правительстве, в частности о необходимости «назначить во всякой губернии по одному члену» (очевидно, — члену общества) для присутствия при избрании народных депутатов («представителей»). Все эти свидетельства должны быть учтены при изучении «Русской Правды», как известно, дошедшей до нас не в полном виде.

Особенно много дает дело Поджио для восстановления картины деятельности тайного общества в тревожные дни кануна восстания 14 декабря 1825 г. и затем особо важного периода между арестом Пестеля и разгромом восстания Черниговского полка. Здесь подробно обрисована позиция, за-

¹ В. А. Федоров, Солдатское движение в годы декабристов (1816—1825). Неопубликованная диссертация, защищенная в Московском университете в 1953 г.

² Разговор с Пестелем передан в письме А. Поджио к генерал-адъютанту Левашову от 12 марта 1826 г. (см. документ № 13 (12)).

³ В подлиннике: «пожертвованиями земли».

нятая Каменской управой, ее неосуществившееся намерение выступить, нереализованный замысел возглавить Волконским восстание 19-й дивизии, намерение Ентальцева идти на военные поселения; возникшие было надежды на Михаила Орлова, замыслы освободить Пестеля из-под ареста. Члены Южного общества уже знают о доносах Майбороды и Бошняка. В этот период и происходит свидание Волконского с арестованным Пестелем на квартире Байкова. Дело Поджио сохранило важное свидетельство о том, что *между* арестом Пестеля и восстанием Черниговского полка было «решено ничего не предпринимать без действия Северной управы».

Последние четыре следственных дела, публикуемые в настоящем томе, относятся к членам Южного общества, принадлежащим к Васильковской управе. Это дела четырех полковников — Артамона Муравьева, И. С. Повало-Швейковского, В. К. Тизенгаузена и В. И. Вранницкого.

Командир Ахтырского гусарского полка Артамон Захарович Муравьев, родственник Сергея Муравьева-Апостола, был назначен командиром этой воинской части еще в июле 1820 г. и к моменту предполагавшегося выступления командовал полком уже шестой год и отлично его знал. Он — давний член тайного общества, принят еще в Союз спасения в Москве в 1817 г. Свидетельства Артамона Муравьева о Московском заговоре 1817 г. имеют бесспорную ценность для исследования истории первой декабристской организации. Они доносят до нас сведения об участии в заговоре Никиты Муравьева и о согласии самого Артамона Муравьева на совершение цареубийства. Исключительно интересно показание Артамона Муравьева о второй части «Зеленой книги», которую он видел у полковника Гурко. Ее тайная политическая цель, как он показывает, «была ясно и пространно описана». Как член Союза благоденствия Артамон Муравьев был весьма активен и только за время своего пребывания в Тамбове принял в Общество по собственному свидетельству четырех или пятерых человек.

Артамон Муравьев многократно клятвенно уверял Общество в своей готовности выступать. Он всячески торопил с выступлением и полагал, что «в отлагательстве наша гибель». Он отвечал за готовность своего Ахтырского гусарского полка и дал обещание взять на себя инициативу выступления, когда его эскадрон будет назначен во внутренний караул штаба. Васильковская управа твердо рассчитывала на его содействие и была уверена, что он подаст пример многим и увлечет войска. В августе 1825 г. в Лещинском лагере Артамон Муравьев участвовал в совещании у С. И. Муравьева-Апостола о посылке отряда цареубийц в Таганрог, где в то время находился император Александр I. Он вызывался сам лично поехать в Таганрог, чтобы убить царя, и отказался от поездки по настоянию товарищей, считавших, что он более нужен здесь, на месте, чтобы «увлечь» Ахтырский полк, когда придет время действовать.

В июне 1825 г. к Артамону Муравьеву на Юг направляется старый приятель (повидимому еще со школьных лет) — Александр Сергеевич Грибоедов. Они увиделись в Киеве в лаврской «Зеленой гостинице» и о чем-то совещались. В совещании участвовали Сергей Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Трубецкой¹.

Таким образом, Артамон Муравьев — участник тайного общества почти что с основания, прекрасно известный широкому кругу декабристов, опытный военный, поручившийся за свой полк. В полковых командирах революционная организация крайне нуждалась — ведь был задуман переворот,

¹ Вопрос о киевском свидании Грибоедова с декабристами разобран мною в работе «Следственное дело о А. С. Грибоедове», М. — Л. 1945, стр. 50—78.

в котором решающий удар, обеспечивающий захват власти, наносили войска.

Васильковская управа была особенно активной и живой силой в организации предстоящего переворота, торопила с началом выступления и деятельно искала членов общества именно в среде полковых командиров. Вторым ее приобретением такого же рода был прием в члены тайного общества в 1823 г. в Бобруйске командира Алексопольского пехотного полка полковника Ивана Семеновича Повало-Швейковского. Он вступил в командование полком в январе 1816 г., т. е. к 1825 г. командовал им уже более девяти лет, отлично знал полк, его солдатский и офицерский состав¹. Он также дал обещание поднять полк на восстание в момент «начала действий», и Васильковская управа на него крепко рассчитывала. Приняли его в Общество в тот момент, когда С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин разрабатывали план открытого выступления в Бобруйске. В 1823 г. там предполагался царский смотр, и декабристы думали «захватить» императора, его арестом начать восстание и совершить государственный переворот. В деле И. С. Повало-Швейковского заключается существенно важный материал о «Бобруйском плане», для подготовки к осуществлению которого главари управы сносились с Пестелем (он отнесся к плану отрицательно) и устанавливали связь с Москвой; туда ездил для этого М. П. Бестужев-Рюмин (Москва также не поддержала Бобруйского плана).

По авторитетному свидетельству Сергея Муравьева-Апостола, полковника Повало-Швейковского приняли в общество сразу как члена первой степени («боярина»); в силу этого он «знал все»: детали «сокровенной» цели общества, планы открытого выступления, политического переворота, царубийства, захвата власти. И на него твердо рассчитывали южные декабристы, как на деятельного участника восстания, который «увлечет» за собою полк, присоединит к восстанию крепкую военную силу.

Те же расчеты были у Васильковской управы, когда удалось привлечь в состав членов общества старого приятеля Повало-Швейковского — полковника Василия Карловича Тизенгаузена, командира Полтавского пехотного полка. Он был назначен командиром полка в ноябре 1819 г., т. е. к моменту предполагаемого декабристами выступления командовал полком уже шесть лет. Он также отлично знал свой полк, его офицеров и солдат. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин как раз служил в полку под начальством В. К. Тизенгаузена. Как член тайного общества В. К. Тизенгаузен в общем смотрел сквозь пальцы на частые отлучки М. П. Бестужева-Рюмина к Сергею Муравьеву-Апостолу в Васильков, хотя время от времени, очевидно, «для порядка» и нагонял на него в этом отношении страху. Так или иначе, Бестужев-Рюмин постоянно — с точки зрения властей — незаконно и сверх всякой меры часто и подолгу — пребывал в Василькове на квартире Сергея Муравьева-Апостола, вместо того чтобы быть в своем Полтавском пехотном полку. Без «снисходительности» Тизенгаузена это было бы совершенно невозможно.

Полковника В. К. Тизенгаузена приняли в члены тайного общества позже других — в начале 1824 г. (в Киеве «на контрактах») и в качестве

¹ Позже И. С. Повало-Швейковский был неожиданно переведен командиром в другой пехотный полк — Саратовский. Приказ об этом датируется в его формуляре 31 августа 1825 г., т. е. временем конца Лецинских лагерей. Это событие было крайне болезненно воспринято Повало-Швейковским и даже обсуждалось декабристами как возможный повод к открытому выступлению. Это и есть часто упоминаемое в следственных делах членов Южного общества намерение выступать «когда у Швейковского отняли полк». Отнятие полка можно предположительно поставить в связь с уже поступившими в то время правительству доносами Шервуда и Бошняка на тайное общество.

не «боярина», а «мужа». Но и «мужи» достаточно много знали о тайном обществе. В. К. Тизенгаузен все же почти полных два года был в составе тайной организации и участвовал в делах Васильковской управы.

Отметим также, что в следственное дело В. К. Тизенгаузена включено несколько особо ценных документов, принадлежащих другим декабристам. В их числе находятся письма Сергея Муравьева-Апостола к М. П. Бестужеву-Рюмину, написанные до восстания. Как мы уже отмечали выше, подобные конспиративные документы дошли до нас в чрезвычайно малом количестве. В письмах в частности ярко отразилось отношение декабристов к греческому восстанию 1821 г.

Четвертый полковник — Василий Иванович Враницкий с 1822 г. был полковником квартирмейстерской части, числился и пребывал на квартирмейстерской службе в штабной квартире, иначе говоря, отдельным полком не командовал. Он чех по национальности, в его формуляре значится: «из Дворян Королевства Богемии города Праги». На русскую военную службу он вступил из прапорщиков австрийской армии еще в 1806 г. Его принял в члены тайного общества И. С. Повало-Швейковский. Как и Тизенгаузена, его зачислили членом второго разряда, но доверие к нему было велико и надежды на него, несомненно, возлагались большие; так, Пестель лично поручал ему принимать в общество «как можно более» новых членов. В. И. Враницкий имел, таким образом, не только общие полномочия по приему, но и специальные поручения в этом плане, данные главой Южного общества.

В. И. Враницкий проявил удивительную стойкость в отказе давать показания. Арестованный в январе 1826 г., он признал себя членом тайного общества лишь в апреле на очной ставке с И. С. Повало-Швейковским. Конечно, как полковник квартирмейстерской части, Враницкий, не командуя какой-либо воинской частью, не мог бы вывести войска для участия в восстании. Однако он мог бы оказаться весьма полезен в момент захвата штаба 2-й армии, находившегося в Тульчине. Именно это действие постоянно намечалось декабристам в начале выступления как совершенно необходимое.

Заметим попутно, что имущественное положение всех четырех декабристов-полковников отличается от положения других декабристов разве что ухудшенным против обычного уровнем материального достатка¹.

Трое из них — опытные военные командиры, участники больших битв, покрытые заслуженной воинской славой: все трое — активные деятели войн

¹ По сведениям с-петербургского военного губернатора и новгородского гражданского губернатора, отец Артамона Муравьева имел в Лугском и в Новгородском уездах два имения (29 и 72 души крестьян) и «стеклянный завод, в действии находящийся». «Завод» этот являлся небольшой мануфактурой. Повало-Швейковский лично крестьян не имел, в его формуляре лишь значится, что за бабкой его числилось в Смоленской губернии 214 душ. К 1827 г. бабка, видимо, уже умерла, поскольку сведения о ней отсутствуют в губернаторских данных, собранных в указанное время; очевидно, имение бабки перешло к ее дочери, поскольку известно, что мать Повало-Швейковского «вдова, премьер-майорша Пелагея» имела в Смоленской губернии 203 души. Души были сплошь заложены — часть в Московском опекуном совете, «а остальные в залоге у частных людей». Отец Тизенгаузена, бывший городничий в городе Ушнице, Подольской губернии, находился после ареста сына «в бедном состоянии» и, повидимому, не имел никакого имения; в формуляре самого декабриста также значится: «Из Лифляндских дворян, гаков не имеет». Чех Враницкий, полковник квартирмейстерской части, никакими имениями в России не владел — ни у одного из губернаторов не оказалось об этом никаких данных. Он тяжело бедствовал во время ссылки в Сибири. В большой нужде находился и престарелый отец декабриста в Праге. (С. П. Чернов, Имущественное положение декабристов, «Красный архив», т. XV, стр. 185—186, 192—193, 190.)

начала XIX века и особенно Отечественной войны 1812 г. Артамон Муравьев находился на фронте русско-турецкой войны с начала 1812 г., оттуда вместе с воинскими частями, действовавшими против турецких войск, переброшен на борьбу с Наполеоном; участвовал в заграничных походах, бился под Бауценом, Дрезденом и Кульмом, участвовал в трехдневной битве под Лейпцигом и брал Париж. Свои ордена, перечисленные в формуляре, он получил за реальные боевые дела.

Формуляр И. С. Повало-Швейковского еще более превосходит послужной список Артамона Муравьева: по собственному свидетельству Повало-Швейковский был в огне против неприятеля «32 или 33 раза». Повало-Швейковский — участник боевых дел еще с 1805 г., отличился не в одном генеральном сражении, награжден «за отличную храбрость» в битве при Прейсиш-Эйлау (1807), не раз по собственной инициативе вызывался «охотником» на опасные боевые дела — ходил по своему желанию во главе отряда казаков против неприятеля, сделавшего вылазку во время бомбардировки Браилова, и на разведку под Журжею; беря укрепления врага, «из первых взшел на вал». В 1812 г. участвовал в рядах первой армии в тяжелой битве под Смоленском. Он — участник знаменитого Бородинского сражения, серьезно ранен на Бородинском поле и награжден «за отличную храбрость». Но в период заграничных походов он вновь вступает в строй, совершает подвиг у селения Гейздорфа (удержал со своим полком неприятельскую колонну, стремившуюся перерезать дорогу), «за каковой подвиг... объявлено благоволение»; золотую шпагу ему дали за «примерное мужество» в Лейпцигской битве. Под Парижем, «командуя всеми стрелками» гренадерского корпуса, он был дважды контужен и затем опять получил серьезную рану, «но остался при стрелках и взял Бельвиль». Среди его многочисленных орденов значится солдатский георгиевский крест 4-й степени — редкая награда для командира.

И полковник В. К. Тизенгаузен — участник больших сражений. Он в 1808 г. в жестокую стужу занимал Аландские острова в дни Финляндской кампании, затем на фронте русско-турецкой войны осаждал Силистрию, штурмовал Руцук, с русско-турецкого фронта включился в Отечественную войну 1812 года, преследовал Наполеона до Брест-Литовска, участвовал в заграничных походах и сражался под стенами Парижа.

В лице этих трех полковников в тайное общество вступили опытные и покрытые боевой славой командиры, отлично привыкшие отвечать за свои действия, взвешивать обстоятельства и оценивать боевую обстановку.

Конечно, перечисленные полковники-декабристы не относятся к идеологам декабристского движения. Хотя Тизенгаузен и Повало-Швейковский не признают за собой «вольного образа мыслей» и отрицают его в биографической анкете — случай довольно редкий в следственных делах декабристов, — это утверждение не выдерживает проверки фактами, почерпнутыми из их же собственных свидетельств. Никак нельзя отрицать наличие у них точного представления о целях и смысле тайного общества.

Осведомленность Артамона Муравьева о программе и тактике общества декабристов — вне всяких сомнений: он вступил еще в Союз спасения, предлагал участие в царевубийстве в 1817 г., был знаком не только с первой, но и со второй частью «Зеленой книги», явился самым активным участником в обсуждении планов выступления в 1825 г. в Лещинском лагере и в дни междоусобия. На всех этапах жизни тайного общества он принимал участие в разработке планов открытого выступления и государственного переворота. Осуществляя лично связь Юга с революционным центром в Петербурге, он отлично знал о значении выступления в столице.

Как и всем южным декабристам, «первое действие революции», представлялось ему «нанесением удара» монарху, манифестом к народу о новом устройстве и — в том случае, если это происходило во время царского смотра или в Таганроге, — победным военным шествием в Москву и Петербург, избранием временного правительства и объявлением конституции. Полковник Повало-Швейковский не только вообще знал о программе Южного общества, но был знаком и с ее конституционным проектом. Матвей Муравьев-Апостол показывает: «Пестель при мне в 1824 г. в начале рассказал Полковнику Повало-Швейковскому свою русскую правду — следовательно Полковник Повало-Швейковский знал о намерении ввести республиканское правление».

Во время своей поездки в Петербург Пестель виделся с приехавшим туда же Повало-Швейковским в знаменитом Демутовом трактире и «рассказывал о написанном им порядке нового правления». Сергей Муравьев-Апостол также сообщает, что Повало-Швейковский знал, «что цель общества есть введение в России правления народного, а средство — переворот». Повало-Швейковский — в курсе переговоров с польским обществом. Обдуманное согласие Швейковского на «решительные действия» и участие в государственном перевороте — вне всяких сомнений: на очной ставке с Бестужевым-Рюминым он сознался, что еще в 1823 г., т. е. в момент его приема в тайное общество, члены организации, переодетые солдатами, были бы зачислены в его полк и назначены им в царский караул, чтобы арестовать императора («Бобруйский план»). В. К. Тизенгаузен, вступивший в общество позже других, — и тот прекрасно осведомлен о характере задуманного переворота: в планах 1824 г. он соглашался возмутить корпус, в лежачих совещаниях, посвященных планам выступления, хотя более молчал, но «если говорил, то с холодной решительностью, ему свойственной». «Полковник Тизенгаузен», показывает Сергей Муравьев, «принадлежал ко 2-му разряду членов общества и знал цель и средства оно; следовательно он знал, что цель общества: введение Конституции народной и удаление от правления императорской фамилии, средство же: переворот».

Сергей Муравьев-Апостол вместе с братом Матвеем посетили Артамона Муравьева накануне восстания Черниговского полка и взяли с него обещание вывести ахтырских гусар на помощь восставшим. Важно свидетельство самого Артамона Муравьева о том, что он обещал содействие Сергею Муравьеву-Апостолу. Однако Артамон Муравьев не сдержал слова. Вся дальнейшая линия его поведения представляется линией отказа от участия в выступлении: он уничтожает записку С. Муравьева-Апостола, адресованную обществу Соединенных славян, которую взялся передать по назначению; отказывается поддержать инициативу подполковника Арсеньева, служащего в том же Ахтырском полку и соглашающегося присоединиться к восстанию. Наконец, он скрывается больным и в день восстания берет отпуск на 28 дней. Таково же поведение И. С. Повало-Швейковского и В. К. Тизенгаузена.

Во всех трех разбираемых делах есть одна примечательная общая особенность: ни один из упомянутых полковников-декабристов не вел работы среди солдат. В то время как на юге Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, члены Славянского общества, а на севере — Рылеев, Александр Бестужев и некоторые другие — ведут агитацию в солдатской среде и в той или иной форме готовят солдат к перевороту, — дела Артамона Муравьева, Повало-Швейковского и Тизенгаузена начисто лишены подобных свидетельств. И, действительно, ни малейших признаков этой работы в полках

по поручению общества вел переговоры с П. И. Мошинским, а Артамон Муравьев — с Валевским (Валеским). В деле И. С. Повало-Швейковского имеются ценные (ранее неопубликованные) показания М. П. Бестужева-Рюмина о его переговорах с польским обществом.

Таким образом, публикуемые в XI томе «Восстания декабристов» следственные дела членов Южного общества содержат в себе богатый материал, необходимый историкам для изучения декабристского движения.

В настоящем XI томе публикации «Восстания декабристов» текст документов воспроизведен в соответствии с подлинником на основании тех же правил, которые были положены в основу для воспроизведения документальных текстов, опубликованных в предыдущем, X томе данного издания¹.

Более подробные данные об особенностях архивных подлинников изложены в конце настоящего тома в комментариях публикаторов — научных работников Центрального Государственного исторического архива СССР Г. Н. Кузюкова и А. А. Покровского, подготовивших данный том к печати.

М. НЕЧКИНА

¹ См. «Восстание декабристов», т. IX, стр. 22—23.